

УДК 009

А. Э. Мурзин

г. Екатеринбург, Россия

ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: региональная идентичность, межэтнические отношения, этническая толерантность, национальная политика, надэтническое единство.

АННОТАЦИЯ. Феномен региональной идентичности рассматривается в контексте национальной политики. Ее надэтнический характер позволяет ей выступать в качестве более универсальной, чем этническая идентичность основы, обеспечивающей интегрированность полиэтнического территориального сообщества. С особенностями уральской региональной идентичности связан конкретный характер проявления феномена этнической толерантности. Прочность выработавшихся в общественной культуре Среднего Урала культурно-бытовых форм межэтнической коммуникации объясняется тем, что они укоренены не в идеологии, а в духовной культуре, нормах и традициях, исторически сформированными условиями жизни регионального сообщества.

A. E. Murzin

Yekaterinburg, Russia

THE POTENTIAL OF REGIONAL IDENTITY IN INTERNATIONAL RELATIONS

KEYWORDS: regional identity, ethnic relations, ethnic tolerance, national policies, supraethnic unity.

ABSTRACT: Regional identity is seen in the context of national policies. Its supra-ethnic character allows it to act as a more universal than ethnic identity framework that provides integration of multi-ethnic territorial community. With the features of the Ural regional identity is linked specific nature of the phenomenon of ethnic tolerance, including manifests itself in relation to migrants. The stabilizing role of regional identity continues to have an impact on the situation, even in circumstances where local authorities are trying to form in the territory of a new system of inter-ethnic relations, ignoring the traditions of ethnic culture. Develop strength in the public culture of the Middle Urals cultural and everyday forms of interethnic communication due to the fact that they are rooted not in ideology but in the spiritual culture, norms and traditions, historically formed the living conditions of the regional community. In conclusion, it has been suggested about the possibilities of the role of regional identity in the formation of civic identity.

Особенность реализации государственной национальной политики на территориальном уровне заключается в том, что межнациональные отношения здесь выступают не сами по себе, а в качестве одного из аспектов социальных, культурно-бытовых и экономических отношений регионального сообщества. Если иметь в виду тот факт, что за межнациональными отношениями стоят различные идентичности, следует обратить внимание на то, что в рамках регионального пространства этническая идентичность обнаруживает себя

в ряду других конкурирующих идентичностей (этнических, гендерных, социальных, культурных, религиозных и пр.), в том числе региональной.

Внимание к проблеме взаимоотношения этнической и региональной идентичностей диктуется рядом обстоятельств. Объединяющим их началом служит единство территории, которое выступает не только одним из условий становления и существования региональной идентичности, но и формирования этнической общности.

ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ

В полиэтническом регионе отдельная этническая группа оказывается объединена с другими общей территорией. В этом случае региональная идентичность выступает как более универсальное надэтническое основание организации локального сообщества.

Региональная идентичность относится к числу базовых элементов, формирующих отношение человека к себе и окружающему миру. Она обнаруживает себя в существующем в регионе человеческом типе, особенностях мироощущения, ценностных ориентирах, стиле поведения, установках в межэтническом общении, осознании индивидом связи с историческим прошлым края. Региональная идентичность опирается на устойчивые особенности социальной и предметно-пространственной среды, определяемыми в том числе экономической специализацией территории [см. подробнее: 12].

Это заставляет высказать предположение об ограниченности распространенных в научной литературе определений региональной идентичности как самоотжествления индивида с региональным сообществом (представляющим ее в качестве акта рассудочного рефлексивного выбора). Формирование региональной идентичности можно представить скорее как составную часть процесса социализации личности, определяющую некоторые особенности характера индивида, его мироощущения, жизненной стратегии, что сближает понимание региональной идентичности с ее интерпретацией как феномена, имеющего субэтническую природу.

В силу своего надэтнического характера региональная идентичность оказывается способной примирять межэтнические противоречия, объединяя разных по национальной принадлежности, вероисповеданию, социальному положению, образованию и возрасту людей.

Опыт последних десятилетий постсоветского периода свидетельствует, что именно в регионах, где исторически сформировалось имеющее прочные корни региональное самосознание, сложилась локальная культура и выработалась своя тер-

риториальная идентичность, межнациональная обстановка оставалась более стабильной. К таким районам относятся, в частности, Средний Урал.

Формирование уральского самосознания и региональной идентичности было связано с превращением Урала с начала XVIII в. в промышленный регион. Жизнь «при заводах», однородность социальной среды, смешанный этнический состав населения стали своего рода общим знаменателем, объединяющим началом, способствовавшим сближению национально-культурных и бытовых традиций русского, башкирского, татарского и финно-угорских народов. Подобное позволяет говорить об особой уральской мультикультурности «как специфической, уникальной черте региональной культуры» [7. С. 230].

На Урале за несколько столетий сложился «тон взаимного уважения различных по происхождению, религии и языку сообществ – своеобразная «уральская толерантность» [5. С. 47]. Она включает в себя признание равноправия различных культурных традиций, стремление к отношениям с «другим» на основе равенства и взаимоуважения, отсутствие нетерпимости, открытость к межэтническим контактам. При этом каждый народ сохраняет свою национальную или этническую принадлежность, сохраняет связь с национальной культурой, оставаясь для окружающих таким же, как они, уральцем, постоянно ощущая себя частью единой общности.

В XX веке советская власть прилагала значительные усилия для дальнейшего формирования уральской региональной идентичности. В различные периоды своего существования она не просто проявляла заинтересованность в сохранении внутреннего (в том числе межэтнического) единства края, но и в некоторые периоды, особенно в годы войны, оказывалась в зависимости от прочности уральской идентичности, вынужденная взывать к стойкости «уральского народа» [13].

Несмотря на то, что уральская региональная идентичность претерпевала во времени заметные изменения, ее по-

ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ

прежнему характеризует не только государственное мышление уральцев или особое отношение к промышленному труду, но и своя культура межэтнических отношений. К специфике уральского регионального сознания следует отнести то, что в нем не акцентированы вопросы национальной принадлежности, межнациональных отношений. Уральская культура за столетия своего развития приобрела, в известной степени, уникальный наднациональный, надконфессиональный характер, представляя собой поликультурное единство, отражающее единство всех уральских народов.

Это отношение к вопросам межэтнических отношений нашло свое подтверждение в результатах массовых опросов, проводившихся на Среднем Урале различными социологическими организациями и исследовательскими группами в начале 2000-х гг.

Так, в 2003 г. аналитический центр ИТАР-ТАСС-УРАЛ в ходе проведенного опроса выяснил, что среди вопросов, волнующих жителей Екатеринбурга, проблемы «защиты прав титульной нации, русского народа» (отмеченных 2,4% респондентов) и «защиты прав национальных меньшинств» (1,9%), вызывают меньшую озабоченность, чем скажем, вопрос отмены повременной оплаты за телефон (9,2%) [3].

Организаторы другого исследования, проведенного в том же году исследовательской группой региональной общественной ассоциации «Большой Кавказ», вынуждены были констатировать, что в общественном мнении большинства жителей Урала «отсутствует четкое представление о тех признаках, которые позволяют отнести человека к представителям той или иной национальности» [1. С. 19].

При этом 69% респондентов высказали мнение, что «каждая национальная культура самоценна», а негативное отношение можно испытывать к конкретным людям, но не по отношению к национальной культуре. Только 13% – высказали предположение, что в Уральском регионе могут возникнуть национальные конфликты, вызванные «действительно труднопре-

одолимыми культурными различиями между народами».

Но подлинным испытанием прочности сложившейся культуры межнациональных отношений в уральском региональном сообществе стало то, как местное сообщество встретило растущий особенно со второй половины 2000-х гг. поток миграции в Свердловскую область. По информации УФМС России по Свердловской области за восемь лет (2008 – 2014 гг.) в регион ежегодно приезжало и становилось на миграционный учет от 150 до 200 тыс. иностранных граждан. За 2014 г. были поставлены на миграционный учет 337955 иностранных граждан, за 2015 год – 313621 человек. В основном, в Свердловскую область приезжают граждане Таджикистана, Узбекистана, Киргизии, Казахстана, Китая. По числу мигрантов регион занял пятое место в России после Москвы, Санкт-Петербурга, Ленинградской и Московской областей и Краснодарского края.

Для областного правительства, опирающегося на местный опыт межнациональных отношений, решением проблемы миграции в тот момент стала идея расширения межнационального территориального сообщества, объединяющим началом которого должна была выступать сформированная региональная идентичность.

Представлялось, что все прибывающие из других регионов страны, ближнего и дальнего зарубежья (включая трудовых мигрантов) будут включаться в «семью уральских народов», автоматически объявляясь «уральскими народами». С целью обосновать правильность избранного курса Свердловская область, 90,6% процентов населения, которой составляют русские, еще 5,2% – татары, украинцы и башкиры вместе взятые, была объявлена одним из самых многонациональных регионов Российской Федерации. На вооружение был принят лозунг «Урал – дом ста народов».

Подобная наивная и беспомощная попытка справиться с новой как для страны, так и для региона проблемой отражала реальную потребность в поиске модели,

ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ

позволяющей интегрировать мигрантов в общее уральское пространство.

Но эта едва ли не спонтанная реакция региональной власти не могла дать серьезных результатов. Усилия власти не могли ни в каком отношении превратить гастарбайтеров в «уральцев». Зато приезжие приобрели символический капитал, позволявший перевернуть ситуацию, когда не приезжие и их организации должны были решать вопросы адаптации, изучения русского языка, а местным жителям стало вменяться требование изучения культурных традиций приезжих, создание для них особых условий.

С другой стороны, нельзя сказать, что стремление власти опереться на региональную идентичность с присущей ей культурой толерантности было само по себе ошибочным и бесперспективным. Власть в этот момент должна была направить усилия на укрепление региональной идентичности как условия сохранения межэтнического единства в регионе. В этом случае региональная идентичность могла бы выступить тем началом, образующим общее пространство, в которое постепенно могли бы интегрироваться мигранты. Такая региональная модель могла оказаться жизнеспособной, а региональная идентичность получила бы возможность раскрыть свой объединяющий потенциал.

Напротив, произошедшее в Свердловской области с середины 2000-х гг. изменение курса (противоположное тому, что имело место в других российских регионах, тем более национальных республиках) было связано с размыванием регионального самосознания, ослаблением региональной идентичности, имеющим своей задачей вывести ее из числа факторов, определяющих общественную, социальную и культурную жизнь края. Из местных СМИ, публичного обсуждения, содержания образования, исследовательской практики исчезло практически все, что так или иначе могло быть связано с регионалистской проблематикой.

Соответственно изменилась и направленность усилий по реализации государственной национальной политики в ре-

гионе. Они не могли уже опираться, как и прежде, на признание и сохранение существующего межэтнического единства, воплощенного в уральской региональной идентичности, истории и традициях края.

Новым основанием межнациональных отношений в регионе была признана необходимость каждого жителя края заново осознать принадлежность к своей этнической группе, осмыслить самобытность и уникальность своей этнической культуры. Окружающая индивида реальность должна была тем самым приобрести вид этнической мозаики, складывающейся из по-своему тоже уникальных культур других народов. Взаимное знакомство с ними и их изучение, как предполагалось, должны были привести к признанию их самоценности, равноправия и формированию на этой основе новой культуры этнической толерантности в крае.

Данная концепция не противоречила установкам общенациональной политики, выдвигающей перед региональными властями требования по формированию и гармонизации межнациональных отношений. Задачи местных органов власти в формируемой динамической системе межэтнического взаимодействия в территории были определены необходимостью постоянных усилий по балансировке интересов различных этнических групп. Претендуя на роль медиатора в данной системе, власть брала на себя обязательства заботиться о развитии культур национальных меньшинств, соблюдении их этнокультурных прав, а с другой стороны, противостоять проявлениям национализма и экстремизма.

Ретроспективный обзор социологических исследований межнациональных отношений и проблем миграции на Среднем Урале, проводившихся на протяжении последнего десятилетия, отражает перемены, которые под воздействием различных факторов произошли за эти годы в сфере межнациональных отношений. К ним, прежде всего, следует отнести тот факт, что уральцы действительно стали гораздо чаще задумываться, в каком национальном окружении они живут.

ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ

В соответствии с опросом, проводившимся в Свердловской области в ходе реализации всероссийского проекта «Этнокультурный потенциал регионов как фактор формирования российской нации», 25,5% опрошенных заявили, что о национальности других людей они «задумываются часто», еще 47,2 % отметили, что думают об этом время от времени [4]. Наряду с этим, в другом исследовании 2011 года отвечая на вопрос «Как Вы относитесь к приезду в ваш город представителей этнических общностей Средней Азии (из Киргизии, Таджикистана, Узбекистана)?», почти 41 % екатеринбуржцев заявили, что не готовы к взаимодействию с ними [14].

Мониторинг этнических и конфессиональных процессов в Свердловской области 2012 г. выявил, что, по мнению большинства активистов этнокультурных общественных объединений области (53,1 % опрошенных), мигранты оказывают отрицательное влияние на межэтнические отношения, что усиливают напряженность в регионе [17. С. 114]. Со своей стороны, представители некоторых национально-культурных обществ взяли за правило напоминать о том, кто относится к коренным народам Урала, а активисты национальных объединений, представляющих выходцев из северокавказских республик, допустимым стали считать предъявление претензий в адрес местной власти и населения края, исходя из своего опыта межэтнического взаимодействия [6].

События в Сарге в 2011 году, где развитие конфликта приобрело межнациональную подоплеку, явились тревожным симптомом происходящего, выражая тенденцию роста скрытого напряжения в межэтнических отношениях в Свердловской области. По данным опроса ФСО 2013 гг. число жителей области, опасющихся возможности обострения межнациональных отношений в регионе, увеличилось в два раза, составив 25 %.

Исследователи связывают данную тенденцию, в частности, с происходящим с региональной идентичностью. Было замечено, что «проявляющая наибольшую не-

терпимость в отношении других этнических общностей, молодежь, практически не знакома с концепцией «советского народа», образ «уральца» для нее не является актуальным» [8. С. 23]. С этим утверждением можно до известной степени согласиться, если иметь в виду то, что понимание себя каждым в отдельности молодым человеком, может далеко не совпадать с тем, чем он представляет собой в действительности как часть конкретной социокультурной среды.

Не вызывает сомнения другое: попытка сформировать в регионе с чистого листа новую систему межнациональных отношений стало испытанием для уральского самосознания. Стремление связать региональную идентичность с тиражируемыми негативными образцами («челябинские мужики» с нетрадиционной сексуальной ориентацией из шоу «Наша Russia» или персонажи литературного бестселлера под названием «Ёбург») повлекло за собой не замещение региональной идентичности общегражданской. Оно породило ощущение утраты жителями региона внутренней точки опоры, чувство разобщенности, социальную апатию, провоцирующее проявления раздражительности в межэтнических отношениях, особенно в отношении к мигрантам.

Тем не менее, для большинства жителей Среднего Урала их связь со своим краем по-прежнему остается определяющей по сравнению с их этнической идентичностью. 51,1 % екатеринбуржцев понятие «Родина» связывают прежде всего с местом рождения (для 47,1 % – с государством Россия). Опрошенные, родившиеся в другом государстве, гораздо чаще связывали национальность с гражданством (23,3%), в то время как для жителей, родившихся на Урале, этот показатель составил только 8,8 %. Вообще, уроженцы других государств, проживающие в регионе (40,0%), чаще обращали внимание на национальную принадлежность окружающих людей [4].

Подобные же результаты были получены в соседней Пермской области, чьи промышленные районы (как и подобные

ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ

районы Челябинской области) исторически относятся к зоне горнозаводского Урала.

В декабре 2012 г. группой исследователей из Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (ПГГПУ) в рамках проекта «Пермь как стиль» был осуществлен социологический опрос, посвященный изучению территориальных идентичностей жителей. Наиболее значимой для пермяков (46%) также оказалась их локальная идентичность («житель Перми»). Далее с сильным отрывом шли идентичность гражданско-политическая – 29%, региональная идентичность («житель Пермского края») – 13%. Еще 6% жителей Перми определили себя прежде всего как «жителей Урала», несмотря на то, что Пермский край уже сравнительно давно «прописан» в Приволжском Федеральном округе.

И только 7% опрошенных жителей Перми отметили как самую важную для себя этническую идентичность (среди коренных пермяков и тех, кто прожил в городе более десяти лет, таковых оказалось еще меньше – лишь 5%). В то время как более трети (37%) респондентов, родившихся в другой стране, поставили национальную идентичность на первое место. Подобные результаты исследования заставили организаторов опроса признать тот факт, что «у большинства жителей Перми в рамках структур повседневности национальная идентичность выражена слабо» [16. С. 169].

Отличающее жителей региона стремление к равноправному диалогу как и прежде опирается на то, что на первый план неизменно выдвигаются личностные характеристики человека при безусловном признании прав, стоящей за ним этнокультурной традиции.

Подтверждением этому служит социальное самочувствие мигрантов, прибывающих на Средний Урал. Исследования показывают, что то, как проявляют себя жители Среднего Урала в повседневном общении, в непосредственных контактах с мигрантами, заметно отличается от тех фиксируемых социологами опасений и

предубеждений, свойственные массовому сознанию.

По данным социологического исследования, организованного в Свердловской области в 2008 г., ООО «Международная служба миграции» и Некоммерческим партнерством «Миграция и Интеграция», 79,5% опрошенных приезжих выражали удовлетворенность жизнью в регионе скорее (49,1% – «удовлетворены», 30,4% – «скорее удовлетворены»). На возникающие проблемы во взаимоотношениях с местным населением указали лишь 16,1% мигрантов (при этом исследователи обратили внимание на то, что данная цифра совпадает с числом тех, кто испытывает негативное отношение со стороны сотрудников предприятий – 16,8%) [2].

Это коррелирует с данными, полученными в ходе «Общественного мониторинга и анализа процессов трудовой миграции из Республики Таджикистан в Свердловскую область» проведенного в 2009 г. социологами Уральского государственного университета и института философии и права УрО РАН. По оценкам подавляющего большинства опрошенных (85%), отношения с местными жителями складываются хорошо [14].

Выборочный опрос 2012 года «Мигранты в Свердловской области», осуществленный Центром экономической безопасности Института экономики УрО РАН, также показал, что с недружелюбным или враждебным отношением в области со стороны местного населения столкнулись не более 11,2% опрошенных мигрантов-мужчин и 12,8% мигрантов-женщин.

Согласно данным этого же опроса, лишь около трети мигрантов предпочитают общение только с соотечественниками. Напротив, самая многочисленная группа опрошенных (41,2 %) не ограничивает свой круг общения и контактирует как с местным населением, так и со своими соотечественниками. В то же время численность группы мигрантов, целиком ориентированных на местное население и практически утративших «общинные» или «земляческие» связи с соотечественниками (20 %), позволил авторам сделать вывод о

ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ

достаточно сильных ассимиляционных процессах на территории Свердловской области [10. С.17].

Естественным образом в круг общения подавляющего большинства жителей Екатеринбурга и Свердловской области входят люди разных национальностей, причем 10,2% местных жителей даже не задаются вопросом о национальной принадлежности своих друзей, позитивно относятся к межнациональным бракам, что подтверждается тенденцией роста их числа на Среднем Урале с гражданами Таджикистана, Киргизии, Азербайджана.

Важно отметить, что толерантное отношение большинства жителей Свердловской области к мигрантам (индикатором которого может служить удовлетворительное самочувствие мигрантов, находящихся в местной социальной среде) проявляет себя именно в повседневном общении, во взаимодействии на бытовом уровне, опирающегося на устойчивые поведенческие стереотипы в наименьшей степени подверженных перепрограммированию под влиянием с чьей-либо стороны. Материалы конкретно-социологических исследований свидетельствуют, что для местных жителей только неудача в установлении межличностного контакта может заставить обратить внимание на национальную принадлежность человека.

Данная, традиционная для Среднего Урала, особенность межнационального общения остается в своей сути неизменной все последние десятилетия. Это дает основание предположить, что в общественной культуре Среднего Урала продолжают действовать выработавшиеся нормы общезжития, культурно-бытовые формы межнациональной коммуникации и свои механизмы регулирования межнациональных отношений. Их прочность объясняется тем, что они укоренены не в какой-то идеологии, а в духовной культуре, народной морали, национально-культурных традициях, исторически сформированных условиях жизни регионального сообщества.

Характерно, что, объясняя сохраняющуюся этническую толерантность жителей Свердловской области, социологи

ссылаются прежде всего на его связь с прошлым края: «...особенности качественной характеристики этнической толерантности в Свердловской области объясняются целым рядом факторов. Прежде всего, это – исторический фактор», – заключают авторы упоминавшегося исследования социального самочувствия мигрантов. Отличия свердловского «этнического котла» они видят в том, что в нем этносы не сплывались до неразличимости, но наряду с этнической идентичностью здесь «сформировалась особая региональная идентичность – «уральцы» – мягкий вариант идентичности населения внутренней колонии» [14].

«Терпимость, отсутствие конфликтов на этнической основе можно объяснить исторически, бесконфликтным опытом межнациональных отношений на региональном уровне», – пишет автор другого исследования [8. С. 10], высказывая мнение, что объединение на локальном уровне может быть осуществлено в такой надэтнической общности, как «уральцы».

Исследования показывают, что региональная идентичность даже не определяемая (не артикулируемая) как таковая ни организаторами опросов, ни их участниками продолжает выражать себя как описание особенностей характера жителей Урала, их связи с прошлым края, пониманием специфики края как старопромышленного региона.

Так, в январе 2013 г. исследователями были проведены фокус-групп в пяти муниципальных образованиях Челябинской области с целью выявления основных идентификационных маркеров массового сознания и позитивных характеристик идентичности в регионе. Главными предметами обсуждения были вопросы: чем и кем гордятся жители Челябинской области, чем Челябинская область отличается от других регионов России, что выделяет среди них Челябинскую область.

Говоря о своем крае участники фокус-групп вспоминали прежде всего о его природе. Анализ их высказываний показывает, что речь идет о природе в первую очередь как о составной части сформиро-

ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ

ванного еще в прошлом образа региона («Край уральских гор», «Челябинская область – край озер»). Неслучайно, что эти описания соседствуют с оказавшимися на втором месте указаниями на промышленный характер области («это производственный регион, край черной металлургии», область известная «Магниткой» и другими предприятиями). Также легко воспроизводился участниками опроса созданный еще в советские годы образа Челябинской области как «атомного щита Родины».

В своих земляках опрашиваемые отмечали прежде всего такие свойства, как трудолюбие, терпение, простота, которые традиционно относятся к главным свойствам уральского характера. По замечанию организаторов фокус-групп, в регионе «труд чаще воспринимается не как горькая неизбежность, а как то, к чему зовет душа, культура, добрая традиция» [9. С. 113].

Подобное положение позволяют высказать предположение, что в исторически тесно связанных между собой областях промышленного Урала, несмотря на все административно-территориальные и прочие трансформации, пережитые ими за последние десятилетия, продолжает в различных формах в зависимости от ситуации проявлять себя региональная идентичность. Хотя она не только не поддерживается, не культивируется, а скорее удерживается под спудом (в Свердловской области) или подвержена активно-агрессивной реструктуризации и экспериментированию (Пермский край).

Произошедшее с уральской региональной идентичностью свидетельствует, что базовые характеристики исторически сложившейся региональной идентичности, имеющей глубокие корни в региональной культуре, не могут одновременно и безвозвратно исчезнуть. В процессе взаимодействия в рамках территории разных этнических культур и конфессиональных традиций региональная идентичность формируется как некая результирующая

данного взаимодействия. Сформировавшаяся региональная идентичность способна не только обеспечивать тесную интегрированность территориальной системы межэтнических отношений, но и переводит ее в иное качественное состояние, при котором она начинает проявлять признаки системной целостности, приобретая очертания специфической региональной культуры.

Выделяя надэтнический характер региональной идентичности и региональной культуры, следует избегать упрощенного понимания этого явления. Возникающая новая целостность, развиваясь во времени, способна приобретать собственные, свойственные только ей характеристики, которые ставят ее как самостоятельный феномен в один ряд с этническим культурами и идентичностями.

Региональная идентичность может явиться серьезным (хотя до сих пор практически не востребуемым) ресурсом, который на деле продолжает во многом стабилизировать межэтническую обстановку в стране. Поддержку исторически сложившихся на территории России региональных культур и идентичностей (имеющих по выражению Л. Смирнягина «многоэтажный» характер) можно рассматривать как своеобразный промежуточный этап в процессе формирования общегражданской идентичности.

Исследование реального состояния межнациональных отношений в территории должно предполагать их изучение в широком социокультурном контексте, в качестве одной из сторон системы культурно-бытового взаимодействия, включая анализ локальных норм и традиций межэтнического взаимодействия, исторически сложившихся в территории механизмов их регуляции. В данном контексте интегрирующая роль региональной идентичности может стать предметом анализа в рамках изучения межэтнических отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдулкаримов Г.Г. Толерантность в межнациональных отношениях в Уральском регионе: социологический анализ. Автореф... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2004.

ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ

2. Василюк В.А. Социологический аспект миграции в Свердловскую область иностранных граждан из стран СНГ и прибывших для осуществления трудовой деятельности // Народы Урала: исторический опыт, традиции и проблемы современности: материалы научно-практической конференции (27 апреля 2009 г.). Екатеринбург: СОМБ, 2009.
3. Волнуют ли екатеринбуржцев проблемы защиты прав русского народа? URL: <http://www.tass-ural.ru/sociology/334.html> (дата обращения 24.02.2015)
4. Главацкая Е.М., Тен В.А., Шкаревский Д.Н. Уральский Федеральный округ// Российская нация: Становление и этнокультурное многообразие. Под ред. В.А. Тишкова. М., 2008. URL: <http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/kollektivn/rossijskay3.html> (дата обращения 24.02.2015)
5. Головнёв А.В. Этничность и идентичность на Урале // Уральский исторический вестник. 2011. №2 (31).
6. Кавказские диаспоры Екатеринбурга заявили о своих претензиях к казакам. URL: <http://nazaccent.ru/content/8494-kavkazskie-diaspory-ekaterinburga-zayavili-o-svoih.html> (дата обращения 24.02.2015)
7. Казакова Г.М. Формирование «уральской ветви» российской культуры: теоретико-методологические подходы к изучению // Вестник ЮУрГУ. 2006. №17 (72). С.229-232.
8. Карымова Л.С. Отношения этнических общностей в условиях становления гражданского общества в современной России: региональный аспект. Автореф... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2012.
9. Киселев К.В., Щербаков А.Ю. Региональная идентичность в социологическом измерении: Челябинский случай // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2013. Том 13. Вып. 4. С.107-118.
10. Куклин А.А., Васильева А.В., Васильева Е.В., Тарасьев А.А. Аналитическая записка, характеризующая положение мигрантов, их правовой статус, роль мигрантов в экономике и проблемы интеграции в Свердловской области на основе выборочного опроса «Мигранты в Свердловской области» (2012 г.). Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2012.
11. Куропятник А.И. Мультикультурализм: проблемы этнокультурной и социальной интеграции населения Сибири // Культура и менталитет населения Сибири: тезисы Международной научно-практической конференции. СПб., 2003. С. 100-102.
12. Мурзин А.Э. Региональная идентичность: сущность, характер, опыт изучения. – М.-Берлин: Директ-медта, 2015.
13. Мурзина И.Я., Мурзин А.Э. Очерки истории культуры Урала: монография – Екатеринбург: Форум-книга, 2008.
14. Общественный мониторинг и анализ процессов трудовой миграции из Республики Таджикистан в Свердловскую область. URL: <http://research-migration.narod.ru/> (дата обращения 24.02.2015)
15. Старостин А.Н. Интеграционный потенциал Среднего Урала: этноконфессиональный и языковой аспекты. URL: <http://www.idmedina.ru/books/islamic/?5788> (дата обращения 24.02.2015)
16. Шишигин А.В. Этническая идентичность жителей Перми в структуре территориальных идентичностей// Культура городского пространства: власть, бизнес и гражданское общество в сохранении и приумножении культурных традиций России: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 12–13 ноября 2013 года) / отв. ред. Д.А. Алисов. Омск: Издательский дом «Наука», 2013. С.165-169.